

Международные отношения

УДК-32

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

А.В.Семенюк¹

В статье рассматриваются методологические проблемы изучения политического урегулирования международных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке. Методология изучения урегулирования международных вооруженных конфликтов находится в стадии формирования, в связи с чем актуальной является проблема выявления наиболее эффективных прикладных методов политического урегулирования международных конфликтов применительно к современным конфликтам на Ближнем Востоке после событий «Арабской весны». Несмотря на недостаточную изученность данной проблемы, конструктивистский, информационно-политический подходы и культурно-цивилизационные методы управления конфликтами в наибольшей степени учитывают региональную специфику и могут в дальнейшем стать основой для разработки наиболее перспективных методов политического урегулирования международных конфликтов в данном регионе.

Ключевые слова: международный вооруженный конфликт; методология; политическое урегулирование вооруженных конфликтов; Ближний Восток; управление конфликтом; модели психологического разрешения конфликта; культурно-цивилизационные модели управления конфликтом; информационно-политический подход.

Современный мир характеризуется ростом конфликтности и увеличением числа вооруженных конфликтов на международной арене. В связи с этим для любого участника политических отношений разработка технологий урегулирования политических конфликтов становится задачей первостепенной важности, поскольку позволяет минимизировать потери при достижении своих целей [14, 140]. Особенно актуальными становятся проблемы урегулирования вооруженных конфликтах в арабских странах после 2011 г., по-

¹ Семенюк Александр Валерьевич – аспирант кафедры Истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: peresvet92@mail.ru.

© Семенюк А.В., 2016

сколькx они затрагивают всю существующую систему международных отношений.

Необходимо отметить, что методология изучения вооруженных международных конфликтов находится в стадии формирования и имеет практическую направленность, поскольку напрямую взаимосвязана с разработкой технологий предотвращения и урегулирования конфликтов. Таким образом, методологические основы изучения проблемы вооруженных международных конфликтов и путей их урегулирования имеют пракческо-политологическое значение в связи с обострением конфликтов на международной арене, что способствует актуализации их изучения.

Прежде чем обратиться к методологии изучения вооруженных конфликтов на международной арене, необходимо рассмотреть вопрос о статусе современных вооруженных конфликтов на арабском Востоке (в Ливии, Сирии, Йемене).

Одним из дискуссионных вопросов в политической конфликтологии является разделение конфликтов на международные и немеждународные. Необходимо отметить, что на практике определение статуса конфликта решается в результате соглашения между ведущими мировыми акторами, преследующими собственные интересы в конфликте. Так, остается открытым вопрос о классификации внутривполитических вооруженных конфликтов с привлечением других акторов международных отношений. Помимо этого, современные политические реалии требуют рассмотрения некоторых межэтнических или межрелигиозных конфликтов, возникающих внутри тех или иных стран в единстве с международными конфликтами. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, внутренний конфликт может перерасти в международный при подключении более широкого круга участников и выхода за пределы государства (например, вмешательство НАТО на стороне повстанцев в вооруженное противостояние в Ливии в 2011 г.), причем этот процесс может сопровождаться как прямым военным вмешательством, так и невольным участием третьих сторон (например, потоки беженцев из страны во время внутреннего вооруженного конфликта; захват в качестве заложников граждан третьих стран). Во-вторых, в результате дезинтеграции страны внутренний конфликт может превратиться в международный (например, вооруженный конфликт в Йемене с 2014 г.). Наконец, в-третьих, привлечение посредников из третьих стран или выступающих от имени международных организаций в процесс урегулирования внутренних конфликтов придает этим конфликтам международное значение [6, 11–12] (например, процесс политического урегулирования вооруженного конфликта в Сирии с 2011 г. при содействии ООН).

Урегулирование политических конфликтов на Арабском Востоке приобретает свою специфику в XXI в., отчасти, в связи со **структурными изменениями международной системы**. Так, по мнению В.А. Ачкасовой, скла-

дывается новая «гетерогенная» система международных отношений, для которой характерна многоуровневая структура, основанная на взаимодействии трех основных действующих сил – государств, субгосударственных сил, региональных и более широких международных организаций. В то же время исследователь полагает, что основой большинства современных конфликтов служит противостояние максимально понимаемого «традиционализма» и «модернизации» как одного из проявлений глобализации [2, 33] (одним из последствий этого противостояния, стали, в частности, события «Арабской весны»).

Важнейшим изменением на Арабском Востоке стало практически полное исчезновение межгосударственных конфликтов в «классическом» понимании¹, типичных для государственно-центристской политической модели мира [5, 141]. В строгом правовом смысле можно констатировать тенденцию к **преобладанию немеждународных конфликтов**, но поскольку все больше конфликтов межэтнического, социального, экономического и религиозного характера приобретают международное измерение и влияют на стабильность международной среды, вызывая реакцию со стороны других акторов международных отношений, то начинают стираться границы между внутренними и межгосударственными конфликтами [13, 8] (так, военные успехи ИГИЛ летом 2014 г. способствовали формированию военной коалиции против него, что окончательно придало конфликту статус международного). Поскольку эпоха межгосударственных конфликтов в классическом понимании подходит к концу, исчезает «подразделение на три субъекта – правительство, армию и народ» [19, 72], возрастает роль негосударственных акторов международных отношений – экстремистских религиозных течений и преступных группировок (пример ИГИЛ подтверждает такую тенденцию, показывая трансформацию экстремистской группировки в квазигосударство). Таким образом, **меняются участники конфликтов**, мотивы которых трудно понять, поскольку они не заинтересованы в урегулировании конфликта, так как после его окончания общество не сможет им предложить привлекательных стимулов для созидательной деятельности.

Можно констатировать, что на смену межгосударственным пришли **конфликты идентичности**, которые можно разделить на три группы [5, 141]: 1) конфликты между центральной властью и этнической (религиозной) группой (вооруженное противостояние в Йемене между хуситами и правительственными силами президента А.-Р.М. Хади); 2) между этническими и религиозными группами (вооруженные столкновения в Ираке между суннитами и шиитами, арабами и курдами, радикальными исламистами и христианами); 3) между государством (государствами) и неправительственной (террористической) структурой (борьба вооруженных сил Сирийской Арабской

¹ В таких конфликтах обе стороны признают друг за другом статус государств. Это признается также другими государствами и международными организациями.

Республики против многочисленных террористических группировок в стране). Параметрами идентификации могут служить как этнический, так и религиозный факторы, причем во внутренние конфликты вовлекаются не столько интересы сторон, сколько этнические и религиозные ценности. В таких конфликтах регулирование затрудняется вовлечением нескольких участников, благодаря чему сужается зона совпадения интересов и, следовательно, поиск взаимоприемлемого решения [5, 142] (например, в вооруженном конфликте в Йемене с 2015 г. помимо хуситов и сторонников президента Хади участвуют вооруженные формирования сторонников экс-президента Салеха, силы «Аль-Каиды», международная коалиция ССАГПЗ¹, а также вооруженные силы других государств и группировок, преследующие собственные цели). Помимо этого, снижение управляемости конфликтами обусловлена как деятельностью внешних государственных и негосударственных акторов, так и общим ослаблением государства, на территории которого происходит конфликт, что, в свою очередь, ведет к ослаблению финансирования регулярных войск и частичной потере контроля за собственной армией [5, 143] (вооруженные конфликты в Ливии, Сирии, Ираке, Йемене после событий «Арабской весны» являются ярким тому подтверждением). Вооруженные силы правительства и противостоящих ему организаций распадаются на отдельные группы, радикализирующиеся и нередко конфликтующие друг с другом, что приводит, в свою очередь, к использованию террористических средств. Еще одной тенденцией конфликтов XXI в. стала асимметричность конфликтов. Такими конфликтами является борьба с международным терроризмом и партизанскими действиями [12, 103].

Важнейшей особенностью вооруженных конфликтов в начале XXI в. стало **изменение характера внешнего вмешательства со стороны международных организаций**, поскольку стали утрачиваться различия между односторонними и многосторонними (например, ООН) интервенциями. Такая ситуация, отчасти, приводит к тому, что «урегулирование» конфликтов заменяется их «регулированием», оказывающим не только позитивное, но и негативное влияние на развитие конфликта. Нередко само миротворчество превращается в скрытое противоборство тех или иных государств, стремящихся использовать геополитическую ситуацию для достижения своих целей (характерным примером является кардинально противоположные программы постоянных членов СБ ООН России и США по урегулированию Сирийского кризиса). Более того, внешнее вмешательство зачастую является мощным фактором дестабилизации, способствующим росту конфликтности [2, 32–33] (военная интервенция НАТО в Ливии не только покончила с режимом М. Каддафи, но и, в конечном счете, способствовала развалу страны). Таким образом, внутригосударственные конфликты все чаще выходят за рамки одного государства из-за появления большого числа беженцев в других странах и

¹ Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

вовлеченности в конфликт других стран и международных организаций, приобретая, таким образом, потенциально глобальный характер [12, 73].

Нарастающая нестабильность и быстрая изменчивость политической реальности стали характерными особенностями развития региона Ближнего Востока, особенно после событий «Арабской весны», когда они стали проявляться острее и в более широких международных масштабах, выходящих за рамки арабского мира. Процессы политической дестабилизации в этом регионе только усиливаются, выходя из-под контроля внутриарабских и международных сил, что уже привело к изменению геостратегического положения региона [1, 6]. В таких условиях не только обостряются старые, но и появляются новые международные конфликты, что приводит только к усложнению механизма их политического урегулирования, трансформирует роль международных организаций в этом процессе.

В общей конфликтологии методология анализа конфликтов, преимущественно социальных, разработана в достаточной степени, однако в международной конфликтологии общепризнанная методология отсутствует, поскольку отсутствуют общепризнанные теория и методы анализа конфликтов на международной арене. С целью определения основных научных методов, которые способствуют наиболее полному и многомерному изучению проблемы урегулирования современных вооруженных международных конфликтов на Арабском Востоке необходимо рассмотреть современные направления исследования международных конфликтов.

Исследование международных конфликтов в качестве самостоятельного научного направления сформировалось на рубеже 1940–1950-х гг. и к 1990–м гг. утвердилось как относительно автономная теоретико-прикладная дисциплина [2, 27]. Во второй половине XX в. оформились **три основных направления в изучении вооруженных международных конфликтов**: «стратегические исследования», «исследования конфликта», «исследования мира».

Важнейшей проблемой «**стратегических исследований**» является проблема войны, а также ее причин и последствий как для определенного государства или региона, так и для международной системы в целом. Центральной задачей стратегических исследований является определение наиболее адекватной реакции государства в конфликтной ситуации с целью оказания влияния на противника и контроля за конфликтом. Стратегические исследования направлены на решение практических задач, связанных с обеспечением интересов и безопасности государства, с созданием благоприятных условий для победы в возможной войне. Таким образом, стратегические исследования осуществляются в рамках парадигмы политического реализма с приоритетом государственно-центричной модели международных отношений и силовых методов в достижении целей. Представители стратегических исследований иногда редуцируют международный конфликт к одному из его

видов – вооруженному столкновению государств, хотя и отмечают различия между «большой стратегией» и военной стратегией. Так, Дж.М. Коллинз характеризует «большую стратегию» как науку использования всех имеющихся возможностей (прежде всего, мощи государства) для воздействия на противоположную сторону посредством угроз, силы, дипломатии, косвенного давления, обеспечивая тем самым национальную безопасность [4, 40]. В современных условиях приоритетной становится задача адекватного ответа на вызовы, возникающие из-за распространения в мире новых типов конфликтов, сопровождающихся ростом децентрализованного политического насилия, агрессивного национализма, религиозного радикализма, международной организованной преступности и т.д. В таких условиях все большее развитие получают подходы, существующие в рамках **«исследования конфликтов»**.

Для этого направления центральными являются вопросы, связанные, прежде всего, с исследованием происхождения и с выделением разновидностей международных конфликтов. По каждому из этих вопросов существуют расхождения, в связи с чем выделяют структурный и концептуальный подходы в вопросе о происхождении международного конфликта.

Следует отметить, что все подходы в рамках «исследования конфликтов» объединены приверженностью государственно-центричной модели международной системы, из чего следует сведение всего многообразия международных конфликтов к межгосударственным противоречиям, кризисам и вооруженным столкновениям, что не в полной мере отражает современные реалии и не всегда учитывает роль негосударственных акторов в международных отношениях.

Третьим основным подходом в изучении вооруженных международных конфликтов являются **«исследования мира»**. Это направление затрагивает широкий комплекс вопросов, связанных с поисками путей урегулирования международных конфликтов. В «исследовании мира» выделяют несколько подходов. Направление «Conflict Resolution» («регулирование конфликта») рассматривает вопросы, связанные с механизмами разрешения и контроля конфликтов, поиском путей перехода от противостояния к сотрудничеству. Сторонники этого направления считают конфликты универсальным феноменом, в связи с чем они не могут быть устранены, поэтому, по их мнению, анализ конфликтов должен быть направлен на разработку механизма управления ими с целью примирения всех участников. В рамках течения «Peace Research» («исследования мира») мир рассматривается не только как ценность, но и как цель, для достижения которого предполагаются активные действия его сторонников (вплоть до временного использования силы).

Необходимо отметить, что изучение международных конфликтов может быть основано только на синтезе приведенных выше направлений, каждое из которых отражает определенный аспект политической реальности (даже «стратегические исследования» при всех их недостатках, проявляю-

щихся в приверженности к неореализму, позволяют оценить конфликтный потенциал на межгосударственном уровне и возможный ответ государства на угрозы негосударственных акторов). Приведенные выше направления исследования конфликтов в изучении их политического урегулирования опираются на специальные научные методы.

Согласно неореализму, который выражается, прежде всего, в **национально-государственном подходе**, структурные свойства международной системы фактически не зависят от усилий малых и средних государств и являются результатом взаимодействия великих держав; следовательно, именно им и присуще «естественное состояние» международных отношений [16, 128–129]. Национально-государственный подход иногда называют институциональным, поскольку он рассматривает управление конфликтами в виде функций национальных и международных институтов, находящихся, однако, сегодня в кризисе и требующих обновления.

В рамках неореализма ключевые позиции занимает **структурный подход**, объясняющий причины международного конфликта, связанные с характером структуры международной системы. Так, Й. Галтунг, разработавший «структурную теорию агрессии», полагает, что возникновение агрессии в ситуации структурного разбалансирования наиболее вероятно [18, 98–99]. Иными словами, в соответствии с одними критериями у государства может быть высокое положение в международной системе, тогда как по другим критериям оно может занимать непропорционально низкое положение. В качестве таких критериев могут выступать военная и финансовая мощь государства, политический вес, дипломатические возможности и т.д. Тем не менее, подчеркивается, что военное противостояние на международной арене становится наиболее вероятным только при превращении насилия в привычную черту жизни общества и при исчерпании всех других средств восстановления нарушенного баланса [16, 421]. Структурный подход в изучении вооружённых международных конфликтов позволяет рассматривать в качестве одной из основных функций воздействия на процесс управления международным конфликтом в интересах его стабилизации и мирного урегулирования современные модели и технологии миротворческой деятельности. Только системный подход, по мнению К. Уолца [20], может привести к выявлению подлинных причин конфликтов, одними из которых являются свойства структуры международной системы. Помимо всего прочего, структурный подход способствует формированию концепции характеристики международной системы как системы организованного отсутствия мира и идеи дилеммы безопасности. В то же время недостатком структурного подхода стала недооценка внутренних противоречий структуры и конфликтной динамики, а также неспособность объяснить политические модели и поведение конкретных акторов [17, 31–32], что отчетливо проявляется при попытках исследования конфликтов на Арабском Востоке в результате «Арабской весны» с по-

зиций структурного подхода. Этому обстоятельству способствует и изменение соотношения между внутренней и внешней политикой, что не вписывается в неореалистскую парадигму, на которую опирается структурный подход. Необходимо отметить, что со структурным подходом тесно связан **структурно-функциональный подход**, выявляющий противоречия в системе международных отношений и оперативно на них реагировать, что позволяет не только разрабатывать функциональные эквиваленты насильственным конфликтным решениям, но и с большей точностью прогнозировать политические перемены. В этом подходе основной способ регулирования современных конфликтов проявляется в разработке технологий управления системой безопасности, включая ее политическую составляющую. Таким образом, в качестве объекта внешнего управления рассматривается комплексная безопасность личности, общества и государства [9, 79–84].

Сторонники **концептуального подхода** выводят причины вооруженных конфликтов из контекста, т.е. из особенности взаимодействия системы международных отношений и ее внутренней среды. Таким образом, возникновению вооруженных конфликтов способствует характеризующийся резким изменением соотношения сил международный контекст. В этом случае государства теряют четкое представление о взаимном положении в международной иерархии и пытаются изменить возникшую двойственность. Следует подчеркнуть, что приведенные подходы опираются, прежде всего, на неореалистическую парадигму и в недостаточной мере учитывают роль негосударственных акторов международных отношений, а также принижают роль ценностного, этнического и религиозного факторов в конфликтах на Арабском Востоке.

Они акцентируют внимание, прежде всего, на институциональных методах урегулирования вооруженных конфликтов, что возможно только в случае признания легитимности (в той или иной форме) друг друга сторонами конфликта. Анализ современных вооруженных конфликтов невозможен без обращения к **бихевиористскому подходу**, в котором основное внимание уделяется влиянию внешней среды на конфликт, и, следовательно, политическому процессу принятия решений с целью поиска взаимных уступок и компромиссов [3, 40]. Бихевиористский подход применим, например, к событиям в Ливии в 2011г., поскольку одним из факторов вооруженного противостояния в стране стало активное вмешательство третьей стороны (финансовая и политическая поддержка оппозиции Катаром и Саудовской Аравией), а исходу конфликта в пользу оппозиции способствовала интервенция сил НАТО.

Сравнительный анализ в выявлении особенностей изменения хода и течения вооруженного конфликта, опираясь, в свою очередь, на бихевиористский подход, способствует выявлению общих закономерностей в конфликтах, что позволяет глубже понять и раскрыть суть исследуемого объекта, а также дать прогноз возникновения и развития конфликта, определить эффек-

тивные методы его урегулирования мирными средствами [3, 27]. Благодаря сравнительному анализу на общих основаниях можно сопоставить международные вооруженные конфликты в арабских странах начиная с 2011 г. и методы их урегулирования. Сравнительный подход не отрицает особенностей каждого конфликта, позволяет увидеть в сравнении уникальность того или иного конфликта. Важно отметить, что методологическая проблема связана с возможностью проекции обобщений, разработанных по одному конфликту, на другой конфликт, историческую или культурную реальность. Пути решения этой проблемы заключаются, прежде всего, в совершенствовании методологии исследований, а также в разработке понятийного аппарата [6, 9–10].

Одним из основополагающих методов изучения международных вооруженных конфликтов является применение **принципа историзма**, что позволяет не только проанализировать причины и истоки конфликта, его протекание и характерные особенности на разных стадиях, но и способствует исследованию структуры конфликта и факторов, способствующих его урегулированию (например, конфликты, обострившиеся после «Арабской весны», являются отчасти следствием процессов, берущих свое начало еще с середины XX в.). Существенное развитие в отечественной историографии получила разработка проблемы международных переговоров, которые в новых условиях стали постоянным и универсальным инструментом международных отношений.

При **анализе международных переговоров** применяется системный подход, и переговоры понимаются как процесс совместного принятия решения, стремление выделить их отдельные фазы (структуру) с целью выявления специфики действий участников на каждом этапе взаимодействия [6, 183–184]. Анализ международных переговоров имеет прикладное значение, например, в исследовании переговорного процесса по урегулированию вооруженного конфликта в Сирии, поскольку благодаря участию ООН и России в качестве посредников удалось на определенном этапе найти точки соприкосновения между правительством Б. Асада и представителями оппозиции и начать политическое урегулирование конфликта (другой вопрос, что оно оказалось неудачным). Тем не менее, поскольку переговоры являются лишь инструментом достижения цели в решении международных проблем, можно отметить существование определенных теоретических основ анализа и ведения переговоров, а не общей теории переговоров, частью которой была бы теория международных переговоров [16, 426].

В исследованиях конфликта особое значение приобретает **анализ принятия решений**, который включает в себя как осознание и определение проблемы, так и выбор вариантов и реализация принятых решений. При изучении переговоров (что особенно важно для управления конфликтом и его урегулирования) прослеживается операционализация процесса принятия решений в политические действия в соответствии с определенными моделями, ус-

ловиями и механизмами (в качестве примера можно привести анализ принятия решений различными структурами ООН по урегулированию конфликтов в странах арабского Востока). Таким образом, анализ принятия решений, помимо анализа переговоров, показывает генезис конкретных политических мероприятий, противопоставление политики, ориентированной на интересы, и ценностно-ориентированной политики.

Выходу политической конфликтологии на новый уровень исследования причин, динамики и урегулирования конфликтов способствовало появление и разработка **поведенческого подхода**. Его важной особенностью стало то, что особое внимание сторонниками поведенческого подхода уделяется конфликтному поведению, являющемуся главным источником динамики конфликтов, в которых различия интересов второстепенны. Особо следует подчеркнуть, что поведенческий подход применяется на уровне личности и на уровне группы людей (например, анализ участия племен Киренаики в гражданской войне в Ливии способствует пониманию причин и особенностей конфликта). Поведенческий подход, хотя и не объясняет в полной мере причины и сущность вооруженных международных конфликтов, становится более значимым, чем бихевиоризм с точки зрения ситуационного анализа, поскольку последний ограничен в теоретическом или эмпирическом обосновании методов для оценки, измерения и нахождения взаимосвязи различных структур или функций, относящихся к конфликту [17, 35–36].

В последние годы появляются новые перспективные подходы в изучении вооруженных международных конфликтов. Как отмечает О.Г. Карпович, **информационно-конфликтологический подход** [3, 48] рассматривает современные международные конфликты как информационно-психологические войны (агрессивные технологии психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание), которые выступают в качестве основного инструмента достижения целей участников конфликта (например, деятельность телеканала Аль-Джазира по одностороннему освещению событий в Ливии в 2011 г. в интересах повстанцев стало едва ли не ключевым фактором в эскалации гражданской войны). В такого рода конфликтах особенно значима ситуативно-поведенческая составляющая, позволяющая создавать широкое поле для информационно-политического воздействия. Особо следует подчеркнуть, что согласно этой концепции (которая получила дальнейшее развитие в **информационно-политическом подходе**) психологическая война всегда сопутствует конфликту, следовательно, конфликт поддается урегулированию только с помощью таких же информационных технологий превентивного и оборонительного характера. Технологии психологического воздействия рассматриваются американскими учеными в рамках политического реализма, что не позволяет проводить разграничения между технологиями как искусственного инициирования конфликтов, так и их урегулирования. Более того, технологии информационно-политического воздействия как особый вид ин-

формационного оружия рассматриваются в качестве силового принуждения отдельных участников конфликта. В то же время политический конфликт может перейти в стадию информационно-психологической войны при выборе сторонами конфликта силового решения. В этом случае операции психологической войны в современном конфликте становятся предварительным этапом военной фазы, являясь ключевым элементом инструментария воздействия на общественное мнение внутри страны и за рубежом. Необходимо отметить и роль психологического фактора в разрешении конфликтов, что, однако, нивелируется достаточно низкой эффективностью существующих парадигм политического урегулирования международных вооруженных конфликтов [8, 27–30]. Тем не менее, несмотря на выраженную направленность информационно-психологических технологий на эскалацию конфликта, на их основе могут быть разработаны новые технологии политического урегулирования конфликтов.

Теория информационно-психологического воздействия на конфликт легла в основу концепции, согласно которой **культурно-цивилизационные модели управления конфликтом** приходят на смену институциональным методам урегулирования конфликтов. Так, А.В. Манойло считает, что возникает новая межцивилизационная фаза в эволюции международных конфликтов, в которых поведение людей определяется их культурно-цивилизационной, национальной и этнической принадлежностью (т.е. с учетом культурных и психологических особенностей народов). Согласно такому подходу современные международные конфликты рассматриваются не только с точки зрения столкновения цивилизаций и мобилизации ресурсов на ментальном уровне (в таком случае даже локальные конфликты поднимаются до уровня межцивилизационного противостояния), но и как управляемые процессы, что можно выявить, например, при анализе миротворческой деятельности [7, 60–66].

Модели психологического разрешения конфликтов XXI в. представлены, по меньшей мере, четырьмя различными культурно-цивилизационными формами. Англо-саксонская модель рассматривает процесс разрешения конфликтов в полной и принудительной трансформации политических систем сторон конфликта в соответствии со своими политическими нормами и стандартами. Восточно-азиатская модель предлагает интеграцию политических систем и ценностей конфликтующих сторон в собственную систему политических отношений, нивелируя тем самым национальную идентичность политических систем более слабых акторов международных отношений. В ближневосточной (исламской) модели процесс разрешения конфликтов фактически соотносится с расширением ареала распространения и влияния исламского мира посредством проекции традиционных механизмов регулирования социально-политических отношений в исламе на зоны конфликтов. Наконец, романо-германская (западно-европейская) модель рассматривает

процесс разрешения конфликтов в изменении взглядов участников конфликта на сам конфликт в соответствии с предлагаемым специально сконструированным образом конфликта и рекомендациями в отношении к нему. [10, 159–172].

Кроме этого, выделяют российскую национальную модель, которая видит международные конфликты как процесс политической модернизации мира через цивилизаторское воздействие всех ее составляющих (идеологии, культуры, национальной идеи) на представления, мировоззрение и культуру участников конфликта для выработки новых культурно-цивилизационных качеств их прежним ценностным установкам [3, 433].

Культурно-цивилизационный подход коренным образом изменил понимание международных конфликтов, которые теперь рассматриваются в качестве объектов внешнего политического управления (в интересах, прежде всего, третьей стороны), что не предполагает их прямое и оперативное разрешение. Важно отметить, что в системе мировых моделей заложены точки конфликтного соприкосновения и системные риски. Таким образом, происходит смена целеполагания, что приводит, с одной стороны, к нарастанию конфликтного потенциала, эскалации новых и размораживанию старых конфликтов на Арабском Востоке (например, попытки насаждения западных политических систем и ценностей в Ираке после 2003 г. способствовали лишь расколу страны; применение англо-саксонской модели в урегулировании сирийского кризиса приводит к поддержке одной из сторон конфликта, что только усиливает дестабилизацию в регионе и приводит к усилению ИГИЛ), а с другой стороны – обеспечивает многовариантность путей выхода из вооруженного конфликта с учетом этнического, национального, религиозного, мировоззренческого и других факторов, благодаря чему именно культурно-цивилизационный подход фактически является альтернативой силовому умиротворению.

Культурно-цивилизационный подход взаимосвязан со школой **политического конструктивизма**, представители которой соглашаются с неолибералами в вопросе несовпадения ценностей в основе современных вооруженных конфликтов, но полагают, что сами ценности не являются неизменными, следовательно, могут быть сконструированы на основе любого идеологического материала. Они подчеркивают, что определяющее значение в конфликте имеет не приверженность наборам ценностей, а идентификация участником конфликта себя с определенными ценностями в данный момент. Таким образом, по мнению конструктивистов, участники конфликтов меняют и модифицируют наборы ценностей для решения конкретных внешнеполитических задач [11, 446]. Сторонники конструктивизма полагают, что главными причинами современных вооруженных конфликтов являются конфликты идентичности, связанные с той системой ценностей, которой придерживаются участники конфликта (религиозные предпочтения, отношения к другим

этносам и культуре). В то же время, настаивая на автономности таких факторов мировой политики, как нормы, ценности, убеждения и т.д., конструктивисты значительно меньшее внимание уделяют методологии «рационального выбора», в центре которого находится политик, руководствующийся расчетом, а не эмоциями в принятии политических решений (например, операция арабской коалиции в Йемене «Буря решимости» была вызвана не только поддержкой президента Хади или противостоянием с шиитами, но и, в большей степени, стремлением обезопасить зону Баб-эль-Мандебского пролива, на который приходится 65 % мировой нефтеторговли). В этом случае конструктивистами преувеличивается роль ценностей в поведении международных акторов [15, 336–338].

Необходимо отметить, что особенности вооруженных конфликтов на Арабском Востоке в наибольшей степени учитываются конструктивистским, информационно-политическим подходами и культурно-цивилизационными методами управления конфликтами, синтез которых может в дальнейшем стать основой для выработки новейших методов в изучении международных вооруженных конфликтов в силу своей гибкости и способности принимать во внимание региональную специфику. При этом сохраняется важнейшее значение таких общих политологических методов, как бихевиоризм, историзм, сравнительный анализ, а также специальных методов анализа переговоров (актуальны при институциональных методах переговоров, но не всегда уместны в том случае, если одним из участников конфликта является, например, террористическая группировка).

В вооруженных конфликтах в странах Арабского Востока после «Арабской весны» наблюдается синтез различных типов противоречий (религиозные, национально-этнические, в результате борьбы за власть), что не только усложняет структуру конфликта и его предмет, но и в значительной степени усложняет политическое урегулирование конфликтов. Отдельно следует подчеркнуть, что при урегулировании этнополитических «конфликтов ценностей» обычные методы социально-политического воздействия на конфликтную ситуацию малоэффективны. Современные конфликты на Востоке по результатам «Арабской весны» настолько противоречивы и многомерны, что нельзя точно определить динамику этих конфликтов, поскольку зачастую они из латентной стадии резко переходят в состояние кризиса и наоборот, а для непосредственных участников конфликта ведение вооруженной борьбы становится образом жизни. При этом переговорный процесс может сопровождаться ведением боевых действий и вовлечением новых прямых участников в конфликт. Осложняет ситуацию и тот факт, что при ведении переговоров стороны по-разному видят предмет конфликта, что не только затрудняет урегулирование, но и делает его практически иллюзорным.

Любое исследование современных вооруженных конфликтов направлено в конечном счете на поиск технологий их политического урегулирова-

ния или управления. В таких условиях особое значение приобретает культурно-цивилизационный и информационно-политический подходы (даже несмотря на то, что информационно-политический подход в академической среде применяется чаще при изучении эскалации современных конфликтов). Их эффективность в политическом урегулировании конфликта определяется не навязыванием определенных ценностей в процессе управления конфликтом, а возможностью выбора дальнейших путей политического процесса на территории государства, где произошел вооруженный конфликт. Только свободный выбор участниками конфликта моделей сосуществования и сотрудничества способствует его разрешению в дальнейшем. Эти подходы являются реальной альтернативой силовому умиротворению также в силу своей гибкости и способности изменять сознание и поведение сторон конфликта, что в определенной ситуации (информационно-психологическое воздействие на участников конфликта с целью их примирения) может существенно снизить интенсивность конфликта и способствовать не только его эскалации (при агрессивном их использовании) но и урегулированию. В условиях конфликта ценностей именно информационно-психологические технологии в рамках информационно-политического подхода играют приоритетную роль в формировании (сохранении) системы ценностей населения, втянутого в вооруженные конфликты (особенно этнополитические), что при направлении этих технологий в мирное русло может способствовать урегулированию конфликта. В то же время информационно-политический подход позволяет выявить причины конфликта через анализ интересов и целей различных участников конфликта, в том числе и посредством выявления форм управления конфликтом, что, в конечном счете, может позволить выработать механизм для разрешения, а не только урегулирования конфликта.

Библиографический список

1. Арабский кризис и его международные последствия / под общ. ред. А.М.Васильева. М., 2014.
2. Ачкасова В.А. Региональные конфликты: учебное пособие. СПб., 2007.
3. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами. М., 2012.
4. Коллинз Дж. М. Большая стратегия. Принципы и практика. М., 1975.
5. Лебедева М.М. Мировая политика: учебник. М., 2014.
6. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М., 1997.
7. Манойло А.В. Актуальные вопросы модернизации современной культурно-цивилизационной теории управления международными конфликтами // Национальная безопасность. 2011. № 4. С. 60–66.

8. *Манойло А.В.* Информационно-психологические технологии разрешения современных конфликтов // *Власть*. 2008. № 5. С. 27–30.
9. *Манойло А.В.* Мирное разрешение конфликтов: национальные концепции, модели, технологии. // *Власть*. 2008. № 8. С. 79–84.
10. *Манойло А.В.* Модели информационного воздействия на разрешение международных и внутривластных конфликтов // *Федерализм*. 2008. № 3. С. 159–172.
11. *Международные отношения и мировая политика: учебно-методический комплекс / под ред. П.А.Цыганкова. М., 2014.*
12. *Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: учеб. пособие / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2012.*
13. *Никитин А.И.* Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: Navona, 2009.
14. *Политическая конфликтология: учебное пособие / под ред. С.Ланцова. СПб.: Питер, 2008.*
15. *Цыганков П.А.* Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.
16. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений: учебник. М., 2007.
17. *Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов / общ. ред. Б.Коппитерс, Э.Ремакль, А.Зверев. М.: Весь мир, 1997.*
18. *Galtung J.* A Structural Theory of Agression // *Journal of Peace Research*. 1964. № 2.
19. *Kaplan R.* The Coming Anarchy // *The Atlantic Monthly*. Vol. 273. № 2. Feb. 1994.
20. *Waltz K.* Man, the State and War. A Theoretical Analysis. N.Y. 1959.

INTERNATIONAL ARMED CONFLICTS AND WAYS OF THEIR SETTLEMENT: METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING THE ISSUE

A.A.Semenyuk

Postgraduate Student, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University.

The article focuses on methodological problems of studying political settlement of armed conflicts in the Middle East. Since methodology of studying international armed conflicts settlement is under development and taking into account the modern conflicts in the Middle East, arisen after the events of the Arab Spring, the problem of revealing the most effective applied methods for political settlement of international conflicts is currently important. Although this problem is underexplored, the constructivist approach, information-political approach and cultural-civilizational methods of conflict management appear to be the most efficient in

respect of considering regional specifics, so they may be used as a basis for further development of the most promising methods for political settlement of international conflicts in the region.

Keywords: international armed conflict; methodology; political settlement of armed conflicts; Middle East; conflict management; models of psychological resolution of conflicts; cultural and civilizational models of conflict management; information and political approach.

References:

1. *The Arab crisis and its international consequences*. Ed. by A. Vasyliiev. M., URSS Publ., 2014. (In Rus.).
2. Achkasova V. *Regional conflicts: Textbook*. SPb., The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications Publ. 2007. (In Rus.).
3. Karpovich O. *Modern conceptions of international conflicts management*. M., Jurist Publ. 2012. (In Rus.).
4. Collins J. M. *Grand strategy. Principles and Practices*. M., Progress Publ. 1975. (In Rus.).
5. Lebedeva M. *World politics: manual*. M., KnoRus Publ., 2014. (In Rus.).
6. Lebedeva M. *Political settlement of the conflict: approaches, solutions and technologies*. M., Aspekt Press Publ., 1997. (In Rus.).
7. Manoilo A. Topical questions of modernization of contemporary cultural and civilizational theory of international conflicts management. *National security*. 2011. № 4. (In Rus.).
8. Manoilo A. Information and psychological technologies of modern conflicts resolution. *Power*. 2008. № 5. (In Rus.).
9. Manoilo A. Peaceful resolution of conflicts: national concepts, models, technologies. *Power*. 2008. № 8. (In Rus.).
10. Manoilo A. Models of information influence on settlement of international and internal political conflicts. *Federalizm*. 2008. № 3. (In Rus.)
11. *International affairs and world politics: educational-methodical complex*. Ed. by P. Tsygankov. M., ROSSPEN Publ. 2014. (In Rus.).
12. *International affairs: theories, conflicts, movements, organizations: Textbook*. Ed. by P. Tsygankov. M., Alfa-M Publ. 2012. (In Rus.)
13. Nikitin A. *Conflicts, terrorism, peacemaking*. M., Navona Publ. 2009. (In Rus.).
14. *Political conflictology*. Ed. by S. Lantsov. Spb., Piter Publ., 2008. (In Rus.).
15. Tsygankov P. *Political dynamics of the modern world: theory and practice*. M., Lomonosov Moscow State University Publ., 2014. (In Rus.).
16. Tsygankov P. *Theory of international relations*. M., Gardariki Publ., 2007. (In Rus.)

17. *Ethnic and regional conflicts in Eurasia. Book 3. International experience of settlement of ethnic conflicts.* Ed. by B. Koppiters, E. Remakl, A. Zverev. M., Ves Mir Publ., 1997. (In Rus.).
18. Galtung J. A. *Structural Theory of Agression. Journal of Peace Research.* 1964. Vol 11. № 2. (In English).
19. Kaplan R. *The Coming Anarchy. The Atlantic Monthly.* 1994. Vol. 273. № 2. Feb. (In English).
20. Waltz K. *Man, the State and War. A Theoretical Analysis.* N.Y., Columbia University Press, 1959. (In English).